

Ольга Куликова

ХИМИКО

РОЖДЕНИЕ ШАМАНКИ

Ольга Куликова

Химико. Рождение Шаманки

«Автор»

2026

Куликова О.

Химико. Рождение Шаманки / О. Куликова — «Автор», 2026

Боги, создавшие Японию, говорят с людьми через избранных – дев-шаманок. Но то, что другие называют «великим даром», на деле является смертоносным бременем. Сацу была совсем ребенком, когда божественный выбор пал на нее. Никто не спросил, желала ли она этой участи, но отказаться – значит обречь свой род на истребление. Впереди у Сацу опасная тропа, по которой предстоит пройти, чтобы принять дар, противостоять врагам и стать великой Солнечной Шаманкой. Но главное испытание – то, что таится в сердце. Запретное чувство, на которое служительницы богов не имеют права.

© Куликова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I	6
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА I	7
ГЛАВА II	13
ГЛАВА III	18
ГЛАВА IV	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ольга Куликова
Химико. Рождение Шаманки

МОЕЙ СЕМЬЕ С ЛЮБОВЬЮ

ЧАСТЬ I

ПРОЛОГ

Запах пота смешивался во влажном ночном воздухе с запахом шкур. Тлеющий очаг слабо освещал две фигуры, борющиеся на полу, перетекая одна в другую, издавая хрипы и сдавленные стоны. Через какое-то время они замерли, изможденные, и голова мужчины опустилась на грудь женщины. Он зарылся в ее волосы, длинные и черные, будто вороново крыло, а она молча гладила его, нежно касаясь пальцами волос, шеи и плеч.

– Ама, – шепотом произнес мужчина, – ты для меня дороже всего на свете. Я люблю тебя больше, чем возможно любить жизнь и все радостное, что в ней есть.

– Я знаю, – так же шепотом ответила женщина. – Я всегда это знала.

– И все-таки мне стыдно за то, что мы сделали.

– Нет нужды стыдиться, – ласково произнесла она.

– Я украл у тебя предназначение. Лишил тебя великого дара. Я раскаиваюсь в этом.

– Ты раскаиваешься в том, что сделал? В том, что касался моего тела, был там, где до тебя не был никто, и никто не будет? Неужели уши обманывают меня?

– Я люблю тебя, Ама, – с жаром повторил мужчина, – и преклоняюсь перед тобой. И горько сожалею о том, на какую судьбу наши чувства обрекли тебя.

Тихий ласковый смех был ему ответом. Женщина приподнялась на ложе, убрала свои роскошные волосы назад и ладонями обхватила лицо любовника.

– Нет нужды ни стыдиться, ни печалиться. Такова была воля богов. Боги захотели, чтобы твое семя наполнило меня. Знай, что я понесла и у нас родится дочь, которой суждено стать великой шаманкой, силой превосходящей и меня, и любую другую.

– Это правда? – взволнованно спросил мужчина.

– Правда, – ответила ему женщина. – Потому что так боги сказали мне.

ГЛАВА I

1

Отблески костра скачут по стенам, принимая самые причудливые формы. Вон тот похож на охотника с луком, а этот – на изогнувшуюся в танце красавицу. Молодой олень спасается от загонщиков, а дальше, дальше... интересно-то как! Бог ветра Сусанноо раздувает щеки, напускает на землю смертоносный тайфун... Костер трещит. Малышня притихла, распахнув глаза и раскрыв маленькие рты, и жадно вслушивается в речь старого Дзая – худого сказителя, который рассказывает детям о том, какой земля Ва была много-много лун назад.

Дождь в тот день лил, словно небесные водопады низвергались на землю, а наивный детский слух превращал его звуки в бой небесных барабанов. Голос сказителя расплывался, и сказки оживали, покоряясь детскому воображению, живому и неумному. Боги сбрасывали надменные маски и, заговорщически улыбаясь, были тогда похожими на тех, кто жил и трудился в Ва – земледельцев, охотников и мастеров. Боги были совсем не страшными. Они не были ни мстительны, ни коварны – потому что дети не знают о том, что на свете есть коварство и месть.

Их было семеро – пострелят, слишком маленьких пока для работы в поле. В ясный день они помогали бы родителям и старшим братьям и сестрам, но сегодня небо рыдало, а потому старый Дзай присматривал за ними тут, в землянке с очагом посередине. Они сидели вокруг костра, завернувшись в шкуры, похожие на волчат, сгрудившихся вокруг тепла.

«В ту ночь над горами люди видели удивительное сияние золотого цвета, и дракона – вытянутого, словно огромный угорь, и гибкого, будто змей, который парил над деревьями. Дракон ронял слезы, оплакивая умершую красавицу Ото-химэ, и каждая слеза, падая на землю, превращалась в цветок удивительной красоты. Этих слез было так много, что к утру дракон занемог – он выплакал всю свою силу, и в изнеможении упал на холм из цветов и испустил на нем дух. Этот дракон был настолько огромен, что сам походил на гору. Когда прошло время и кости его истлели, на месте его гибели возник высокий холм, усеянный в любое время года цветами. Как такое могло произойти? – Дзай сощурил карие глаза, став похож на филина. – Я вам расскажу, как. Ватацуки-сама, *ками* леса, где дракон впервые повстречал красавицу Ото-химэ, пожелала увековечить память о влюбленных и превратила дракона в вечно цветущий холм. Мы зовем его Холм Леса Ватацуки. Кто-нибудь из вас, дети, знает, где это? Нет? – Дзай хмыкнул. – Этот холм находится в лесу у поселения Оэ, куда наши горшечники раз в шесть лун отправляются менять свои товары на выделанные олени шкуры. Так-то. И если ты, Таро, попросишь отца взять тебя с собой, когда он отправится в Оэ в следующий раз, то упроси его показать тебе и холм, где испустил дух влюбленный в красавицу Ото-химэ дракон».

Таро важно кивнул, а остальные поглядели на него с завистью – надо же, счастливчик!

Дзай улыбнулся про себя – когда-то и его собственные дети сидели так же, завернувшись в шкуры, словно волчата. Не всем из них было суждено повзрослеть – дочку боги забрали совсем крохотной, а первенец, Дзути, был убит, защищая поселение вместе с другими мужчинами три весны назад. И все-таки его, Дзая, кровь и память продолжали жить в оставшихся детях и в детях их детей. А значит – традиция ремесла Ва не угаснет, потому что в мире нет ничего доступнее и важнее знания, передаваемого из рук в руки. Или истории, передаваемой из уст в уста.

Из всех детских лиц глаза Дзая чаще всего останавливались на личике Сацу. Большеглазом, озорном – чем-то она напоминала ему собственную дочь. Кто знает, если бы малышка осталась жива, была бы она сейчас похожа на эту девочку?

– Эй, Сацу, мать не пробовала тебя расчесывать? Такие длинные волосы не мешало бы познакомить с гребнем.

– Да, дедушка Дзай, знаю. Мама расчесывает меня. Но они почему-то путаются.

– Может, сказать твоей матери, чтобы обрезала их? – Дзай посмотрел на девочку с притворной суровостью.

– Ой нет, прошу тебя, не делай этого! У моей мамы такие красивые волосы! Я хочу, чтобы и мои были такими же.

– А ты сам видел *ками* леса Ватацуки?

Это уже Хиро, второй сын старосты. Шустрый мальчишка. Непонятно, почему отец прячет его от работы? Старший сын в это время уже ходил с ним на охоту, а Хиро все с малышами.

– Нет, сам я ее не видел. Но говорят, она прекраснее любой из земных красавиц.

– Кто говорит?

– Мико. Те, кто разговаривают с *ками*.

– Мико – это старухи с обвисшей грудью и набеленными лицами.

– Мико – это девы, которых боги избрали для себя. А обвисшая у них грудь, или нет, тебя не касается. Как не касается любого мужчины. Если будешь сквернословить, мико превратят тебя в мышь и раздавят, так и знай.

Хиро обиженно умолк.

– Все, сорванцы, отправляйтесь по домам. Да бегите быстрее, чтобы дождь не успел промочить вас до нитки!

Дети ждали следующей истории. Каждый из них хотел бы провести целый день, слушая у костра рассказы Дзая, но сегодня сказитель устал. Колени ломило, голова шумела от капризов погоды – *ками* дождя трудились на славу. День подходил к концу, костер начинал тлеть, пора было подбрасывать в очаг сухие ветки. Выпроводив детей, Дзай уселся на шкуры и, прикрыв уставшие глаза, долго вслушивался в шлепанье капель по крыше землянки. Для него этот звук не имел ничего общего с боем небесных барабанов. Дзай был стар, а старики лучше всех остальных знают, что боги могут быть и мстительны, и коварны. Боги заставляют смертных совершать вещи, о которых те потом молчат до того самого момента, пока дыхание не отлетит в Тростниковую Равнину. И даже после этого. Если, конечно, не хотят скитаться по равнинам и лесам неупокоенным духом. Дзай был стар. А потому не собирался перечить богам.

2

– Мам, почему опять каша? Я хочу мяса.

– Мяса нельзя, Сацу.

Мать выразительно посмотрела на нее, словно бы имея в виду вовсе не то, что только что произнесла. «Сколько раз я тебе объясняла?» – говорили ее глаза, и Сацу послушно кивнула, искоса взглянув на отца. Есть мясо было нельзя, потому что умер его старший брат, дядя Вакихико. Последние две луны все знали, что вскорости он отправится в Тростниковую Равнину – кожа его стала совсем бледной, глаза больше не блестели как тогда, когда он, изображая медведя, рычал и кружил Сацу и ее братишек в могучих объятьях. Весельчак Вакихико, великан с бесстрашным сердцем, любимец женщин и лучший охотник во всем поселении... так было до того, как он сорвался в овраг, преследуя лисицу, и острые камни вспороли ему живот.

Дедушка Дзай говорил, что то была вовсе не лиса, а оборотень. Он будто бы затаил обиду на дядю и заманил в овраг из мести. Сацу не знала, как было на самом деле. Она любила дядю, как любили все дети поселения – за то, что катал их на плечах, играл в «хромую обезьяну», за то, что был веселым и сильным... А теперь его почерневшее тело лежало в землянке на окраине поселения и мико не отходили от него уже семь дней, славя охотничью доблесть веселыми песнями и уговаривая *ками* отвести его в Тростниковую Равнину.

С уходом человека печаль *ками* накрывает всех, кто был с ним в родстве. Семье необходимо очиститься, но только по истечении положенного траура. Сацу и остальные родственники не ели мясо уже семь дней. Старшие не притрагивались к вину, отец не касался матери как

мужчина касается женщины, и все они не мылись и не расчесывали волосы. Впрочем, это было меньшее, что беспокоило девочку. Скоро ее, отца, мать, братьев и всех остальных родных, даже малыша Тотчана, родившегося у маминой сестры прошлой луной, ждала река и очищение. А пока горшечник, отец Таро, лепил умершему погребальный сосуд, мико веселились у гниющего тела, а семья, как могла, скорбела.

Сацу поковыряла надоевшую кашу, миску с остатками вернула матери и, пока не стемнело, решила выйти на улицу. Смерть не особенно заботила ее. Она скучала по дяде, но, в конце концов, все люди отправляются в Тростниковую Равнину – кто-то раньше, а кто-то позже. Это Сацу давно усвоила.

Сацу шла мимо домов, но никто из ее приятелей не играл на улице. Она миновала хранилище зерна – единственное здание в деревне, не утопленное в земле, а поднятое над ней с помощью свай. Обошла склад с орудиями для обработки полей и оружием и приблизилась к частоколу и широкому рву, окружавшим поселение. Гулять дальше ей не разрешали.

За рвом начинались рисовые поля, уступами спускавшиеся вниз, а еще ниже, так далеко, что отсюда не разглядеть, шумела река. Что лежало за ней, девочка представляла лишь отдаленно. Где-то там, должно быть, очень-очень далеко, лежит Оэ, куда отец Таро раз в шесть лун отвозит менять свои горшки. От бабушки Дзая она слышала, что в месте, где твердь кончается, начинается океан – обиталище драконов *ками*. Сацу с трудом могла представить столько воды, чтобы вместить всех огромных рыб, живущих там, и *ками*, и подводный дворец драконьего властелина... Тот самый океан, из вод которого поднялась когда-то твердь, сгустившись каплями, что упали со священного копья богов-прародителей. А еще дальше, за морем – что?.. Ее детского воображения не хватало, чтобы заглянуть так далеко.

Солнце, уже почти прячась за пики гор, освещало мягким светом деревню, поля и лес, лежавший по правую руку от поселения. Сацу прищурилась – ей вдруг почудилось, что у самой кромки леса, там, где зелень трав переходит в вечернюю черноту густых деревьев, пляшет шустрый яркий комочек. Так и есть – пятнышко света, словно отблеск от последних лучей, посылаемых светилом на землю, вертелось и пританцовывало, словно бы дразнясь. Вот он я! Догонишь, пигалица?

Сацу тряхнула нечесаной головой – показалось? Нет, вот он, на месте, вертится и пританцовывает. Яркий, пушистый, рыжий... Да это лис! Красивый какой! Сацу прижалась носом к жердям частокола, силясь получше разглядеть через прорехи, что это за зверь такой? Хитрое животное, похоже, тоже заметило девочку и скалилось лукаво, повернув морду в ее сторону. Шерсть лиса блестела, роскошный пушистый хвост распадался на непоседливые хвостики, танцевавшие без остановки. Воздух вокруг лиса плавился, тек, и вот уже лис не один перед деревьями – рядом с ним, огромный и совсем не больной... дядя Вакихико! Дядя выглядел ну ни капельки не слабым, и уж точно не мертвым. В кожаном нагруднике, который надевал, отправляясь за дичью в лес, за спиной – знаменитый лук и не знавшие промаха стрелы. Он танцевал! Танцевал вместе с лисьим хвостом, а Сацу, затаив дыхание, стояла, вжавшись в частокол и думая, как такое может быть, и кто же тогда лежит в землянке на краю деревни? Над кем поют песни мико?

Лис отвернул морду и, похоже, совсем перестал обращать внимание на девочку. Лукавый взгляд его теперь был прикован к дядиному лицу, освещенному радостью. Дядя тоже не замечал Сацу. Он танцевал, улыбаясь лису, и Сацу вдруг поняла, что они уже не у входа в лес, а гораздо дальше, уже почти скрылись за деревьями, а ей нестерпимо хотелось протиснуться через частокол и бежать за ними вслед. Стойте! Меня подождите! Куда там – лис вместе с силачом скрылись с последними лучами солнца, и окрестности погрузились в темноту.

– Мама! Мама!

Сацу с криками понеслась по дороге назад, к дому. Босые пятки поднимали пыль, дыхание грозило вырваться из маленькой груди... а на другом краю деревни в этот самый миг две

мико без сил опустились на пол землянки. Их белые одежды взмокли от пота, руки плетью повисли вдоль туловищ, и прошло немало времени, прежде чем к ним вернулись силы хотя бы для того, чтобы протянуть руку к выдолбленной тычке и сделать оттуда по несколько глотков воды. После этого старшая из них махнула рукавом в сторону входа и приказала:

– Ступай. Скажи им, что больше нет нужды скорбеть. Душа охотника теперь отправилась в Тростниковую Равнину.

3

Японские обычаи той поры, древние, как духи Ва, предписывали хоронить умерших только после того, как душа выйдет из тела и отправится дальше, в Тростниковую Равнину. Шаманки мико, могущественные девственницы, бдели над телом и убеждали *ками* показать усопшему путь, но никто не мог предсказать, сколько на это потребуется времени.

После того, как Огненный Лис увел Вакихико, его тело было готово для погребения. Нам, выросшим с убеждением, что телу после смерти суждено превратиться в прах, а душе воспарить в райские кущи, показалось бы диким то, что произошло после, но для людей, населявших Ва, это было самое естественное, что могло случиться. С помощью острого бронзового ножа кости Вакихико отделили от сгнившего мяса и сухожилий, очистили и промыли так, чтобы их чистота и белизна не вызывали сомнений, после чего поместили в большой сосуд, длиной более трех сяку¹. Этот сосуд, изготовленный гончаром Тадзу, был захоронен в земле за границей поселения, с западной стороны. И с того самого момента члены его семьи перестали скорбеть, потому что причина для скорби исчезла – Вакихико был там, где ему надлежало быть, *ками* не испытывали недовольства, и жизнь продолжалась.

Мать строго запретила Сацу рассказывать кому-либо об Огненном Лисе. «Почему, мама?» – удивленно спрашивала девочка, но мать в ответ лишь прижимала ее к себе, крепко, так, что трудно было дышать, и шептала, уткнувшись в длинные волосы дочки: «Забудь, что видела. То был лишь сон, Сацу, и ничего больше».

Со временем ей и самой стало казаться, что танцующие хвосты Лиса, дядя Вакихико, здоровый и радостный – все это померещилось или приснилось, но однажды, долгим зимним вечером, произошло кое-что, что вновь заставило Сацу засомневаться.

Урожай давно был убран, на улице стояла холодная, сырая погода. Детей теперь не отпускали гулять допоздна, и Сацу помогала матери с братишками – играла и смешила их, посадив поближе к очагу. Тотчан – малыш маминой сестры Кику, тоже был с ними. Кику соорудила для него ложе из мягких шкур, покормила молоком и ушла вместе с матерью – женщины сегодня перебирали семена для новых посадок. Малыш сразу уснул и не доставлял хлопот, но Сацу опасалась, как бы веселые крики не разбудили его раньше времени. Поэтому поначалу она рассказывала братьям сказки, подражая дедушке Дзаю, но, честно говоря, получалось у нее не ахти.

Скоро детям стало скучно, и они начали возню. Что тут поделаешь? Сацу, не придумав ничего *взрослого*, с удовольствием присоединилась к веселью. Она изображала оборотня, широко разевая рот и издавая завывающие звуки, а малыши в восторге шарахались от нее, корчили гримасы и дразнились.

Вдруг в землянку ворвался ветер – кто-то отодвинул соломенный полог, закрывавший вход с улицы. Дети притихли и посмотрели наверх, туда, где возвышалась на земляных ступенях высокая фигура в белых одеяниях. Они не сразу сообразили, кто перед ними – свет от очага выхватывал из темноты длинную рубаху, густые волосы, спускавшиеся почти до пояса и широкое, набеленное лицо. У входа в землянку стояла мико и пристально оглядывала переставших играть детей. Вот она медленно спустилась по ступеням и приблизилась к Сацу. Ее

¹ сяку – старинная японская мера длины, равняется 30,3 см.

черные глаза как будто впились в лицо девочки. Мико смотрела только на нее, и Сацу, как замороженная, заглядывала в горящие холодным огнем глаза шаманки.

– Ты Сацу? – спросила та, хотя, кажется, вовсе не нуждалась в ответе.

– Да, – робко прошептала девочка.

– Ты знаешь, кто перед тобой?

– Знаю, – кивнула она. – Ты мико Атотаки.

– Правильно, – улыбнулась шаманка, и белила на ее лице пошли трещинками.

Лицо напоминало маску – угловатое, бледное, жуткое, с прорезями глаз, темнотой схожих с самой безлунной зимней ночью. Но мико не казалась ни злой, ни рассерженной – она лишь внимательно разглядывала девочку, словно старалась отыскать что-то в ее лице.

– Ты должна пойти со мной, – произнесла она наконец.

– Я не хочу.

– Не хочешь? – шаманку, казалось, позабавил этот ответ. – Тебя не спрашивают, дитя. Тебя избрали боги для служения им. Хочешь ты этого, или нет, не имеет значения.

Костлявые пальцы сомкнулись на худеньком запястье девочки с такой силой, что Сацу от боли вскрикнула. И не смогла освободить руку.

– Ты *должна*, – повторила шаманка, глядя на Сацу повелительно. – Понимаешь меня?

В жилище снова ворвался сквозняк и Сацу, готовая заплакать от боли и несогласия, увидела, что к ним спускается мать. Вид у нее был очень рассерженный.

– Прочь из моего жилища, Атотаки! – голос матери звенел от возмущения.

– Ты говоришь мне – прочь? – недобро усмехнулась та в ответ.

– Именно так. Уходи. Если тебя застанет мой муж, он не ограничится словами.

Атотаки хмыкнула.

– Я пришла, чтобы взять твою дочь в ученицы.

– Сацу не из тех, кто гож тебе в ученье.

Глаза матери горели, щеки покрылись румянцем. Девочке очень хотелось кинуться к ней, но костлявые пальцы шаманки все еще сжимали ее руку.

– *Ками* считают по-другому, – недовольно проскрипела женщина с набеленным лицом.

– Уходи. Ты не можешь забрать моего ребенка силой, а по доброй воле я тебе ее не отдам.

Мико долго и пристально смотрела на женщину, словно бы взвешивая ее слова.

– Ты права, Харуко, – произнесла она, наконец. – Силой мне ее не забрать. Но ты знаешь, что бывает, когда шаманка избегает начертанного пути.

Харуко уверенным движением убрала руку Атотаки с запястья дочки.

– Уходи. Ей всего лишь шесть лет. Сацу – дитя, а не шаманка.

– Ошибаешься. *Ками* указали на нее в столь раннем возрасте! Ты должна гордиться, а не прятать ее!

– Уходи, – снова повторила Харуко и, заслонив собой дочь, указала шаманке на выход.

Та медленно повернулась и, не сказав больше ни слова, поднялась по земляным ступеням и вышла. У входа молча тряслась от страха Кику. Она слышала весь разговор до последнего слова, но не нашла в себе смелости встать на защиту сестры и племянницы. А может, ей и не стоило этого делать? Кто такие они с сестрой, чтобы перечить богам, если те решили избрать для себя малышку Сацу? Разумная мать с гордостью приняла бы такую честь.

Шаманка, раздосадованная, почти бегом возвращалась в горы, где в сухой пещере ожидала ее возвращения ученица. Еще одно ложе уже было устроено там – мико ожидали, что сегодня к ним присоединится младшая сестра. Однако этим вечером *ками* не пожелали вмешаться.

Мико бессильно сжимала и разжимала кулаки. Она, действительно, не могла увести ребенка силой. И не вернись так не вовремя мать Сацу, шаманке наверняка удалось бы уговорить девочку последовать за ней.

Самой Атотакки было двенадцать, когда у нее открылись глаза на то, кто она такая. Эта девочка и правда еще очень мала, но тем ценнее она должна быть для богов, раз *ками* указали на нее уже сейчас.

Однако не досада и не гнев сжимали сердце Атотакки, когда она, запинаясь о камни, пробиралась в темноте к своему скрытому от посторонних глаз жилищу. Сердце ее обуревали другие чувства – в узких темных глазах шаманки плескались смутение и страх. Женщина с набеленным лицом слишком хорошо понимала, *что* происходит, когда мико пытается уклониться от предначертанного ей пути.

ГЛАВА II

1

Поселение, где росла маленькая Сацу, лежало на склонах гор в центральной части острова Хонсю – главного острова Японского архипелага. В те древние времена, когда Будда и Конфуций еще не родились на свет, этой землей всецело правили божества, породившие ее, и вещи творились согласно законам, установленным ими. Один из этих законов гласил, что деве, избранной *ками*, следует принять свое предназначение и поступить в обучение к старшей шаманке, иначе беды обрушатся на нее и весь ее род. Кто знает, была ли вина матери Сацу, не пожелавшей отдать дочь, в том, что произошло, или все это случилось по какой-то другой причине, но великая беда настигла поселение спустя три ночи после того, как мико Атотаки хотела и не смогла забрать девочку.

В землянке на краю поселения во сне ворочался Дзай. Его мучали кошмары. Старик тихо стонал во сне, беззвучно шевелил губами, вытягивал руки и ноги, словно их сводило судорогой, чем очень мешал жене, Цуру – грузной женщине одних с ним лет, лежавшей рядом на ложе из шкур. В конце концов, Цуру не выдержала: села, убрав с лица поседевшие волосы, тихонько коснулась плеча мужа ладонью и прошептала: «Открой глаза. Это сон, Дзай. Всего лишь глупый сон». Старик замер, мгновение спустя глаза его открылись и измученный взгляд остановился на лице жены.

– Сон? – прошептал он.

– Сон, – кивнула Цуру, зевая. – Боги опять тебя мучают.

Старик, кряхтя, поднялся, кивнул жене и заковылял к выходу. Спертый воздух землянки, в которой крепко спали остальные члены семьи, сдавливал грудь, Дзаю отчаянно хотелось наружу. Цуру, вздохнув, пошла следом.

Вязкий мрак растекался во влажном воздухе, луну и звезды спрятали рваные облака, гонимые *ками* ветра по небосводу. Дзай устало опустился на траву, привалившись спиной к стоящей прямо на земле крыше своего жилища. Вперив в темноту невидящий взгляд, он тяжело вздыхал.

– Снова? – участливо спросила Цуру, с трудом устраиваясь рядом с мужем.

Старик кивнул.

– Что им всем от тебя нужно? Сколько можно мучить тебя этими отвратительными видениями?

Он не ответил.

– У меня дурные предчувствия, – продолжала между тем женщина. – Они внушают страх. А ты знаешь, муж, предчувствия редко подводят меня.

Старик снова кивнул.

– А ты не думаешь, – произнес он, наконец, – что так боги карают меня за свершенный обман?

– Одни боги карают за то, что заставили совершить другие? – Цуру хмыкнула.

– Боги мстительны и непоследовательны.

– Боги – это боги, – философски заметила Цуру. – Не нам им перечить.

Она глубоко вздохнула.

– Я знаю, о чем ты думаешь, Дзай. Ты хочешь пойти к Харуко и рассказать все, что произошло тогда с ее малышкой. С девочкой, рожденной такой же безлунной ночью шесть лет назад. Я права? Молчишь. Знаю, ты хочешь так поступить. Но тебе не позволят этого сделать.

– Ты права, – в который раз кивнул старик.

Тяжелое молчание повисло между людьми, привалившись, сидевшими у входа в землянку. Каждый думал о своем. Женщина – о том, что муж в последнее время выглядит совсем

плохо. Она тревожилась за его здоровье. А мужчина думал о плетеной из ивы люльке, о маленьком тельце, завернутом в конопляный отрез, и о мико, забравшей ребенка из его дрожащих рук. Сам бы он ни за что не осмелился причинить ребенку вред – после того, как боги забрали дочь, Дзай с нежностью относился ко всем детям.

– Шум, – вдруг сказала жена, грузно поднимаясь на ноги. – Мне кажется, я слышу шум со стороны ворот.

Старик встрепенулся.

– Вернемся в дом.

– Сейчас. Только посмотрю, что там такое. Не дайте боги, медведь из леса пришел.

– Не ходи, – Дзай протянул к жене руку.

– Я сейчас. Если медведь, придется будить охотников. Мы тут ближе всех.

– Постой!

Но жена не слушала его. Вот она сделала несколько шагов, и вдруг тело ее, дернувшись, тяжело осело на землю. На миг облака разошлись и потрясенный Дзай увидел жену, безвольным кулем лежащую на земле. Шею Цуру насквозь пронзила длинная стрела. Кровь черным ручьем сочилась из тела, а остекленевший взгляд был уставлен в сторону частокола.

2

Дзай пережил жену на несколько мгновений.

Племя кокурю, напавшее на поселение той безлунной ночью, славилось жестокостью и отвагой. Кокурю не знали земледелия и не занимались промыслом. Они жили, устраивая набеги на небольшие деревни. Убивали мужчин, угоняли в рабство женщин и детей, разоряли запасы риса и другого провианта, собранного в деревенских хранилищах.

Иногда от кокурю получалось откупиться частью урожая. Иногда жители поселений ухитрялись встречать их во всеоружии и отражать набеги, но той промозглой осенней ночью никто в деревне не был готов к нападению.

Они пришли из леса. В темноте неслышно, словно лисы, перебрались через ров и подобрались к частоколу. Несколько часовых, несших дозор, упали, убитые из луков, и первые из нападавших, перебравшись на другую сторону, открыли ворота своим товарищам. Это были низкорослые люди с грубыми плоскими лицами. Нижнюю часть лица воинов покрывала сложная татуировка – знак принадлежности к племени кокурю. Длинные луки перекинуты за спину, короткие топоры в руках. Жестокий взгляд узких черных глаз не сулит пощады никому в мирно спящей деревне...

Во сне Сацу стояла по щиколотку в воде. Под ее ногами были мелкие покатые камешки, и теплое течение приятно омывало ее маленькие ступни. Ветер перебирал волосы, солнце согревало ладони, сжимающие прут с завязанной на его конце веревочкой, что спускалась в воду, в которой носились туда-суда бойкие серебристые рыбешки. Девочка улыбалась. Она знала, что спит, но было так приятно ощущать теплую воду, касающуюся ног, и ласковое прикосновение ветра, и солнечные лучи на коже... Шум реки низким гулом пронизывал все вокруг. Сацу знала, что если идти вдоль берега за течением, то скоро берега станут круче, раздвинутся, и реку в тех местах уже нельзя будет перейти вброд – слишком быстрым станет течение и слишком глубокими ее холодные воды. Но идти дальше по берегу она не собиралась. Ей нравилось стоять на мелководе и наблюдать за тем, как рыбки резвятся в чередке солнечных бликов.

Вдруг Сацу ощутила, что у нее першит в горле. В него как будто набилась копоть. Все изменилось. Ветер перестал быть свежим и приятным, в воздухе потянуло тленом, смрадом, по голубому небосводу потекли серые и черные потеки. Девочка замотала головой, силясь отогнать морок, но смрад все усиливался, над водой закружились вороны, громким и резким карканьем заглушая мерный шум течения. Воды реки потеряли прозрачность. Сацу попятилась,

потому что поняла, что щиколотки тонут в грязной жиже. Рыбки исчезли, от воды повалил дурно пахнущий пар. Девочка вдруг закашлялась, и с испугом обнаружила, что изо рта на ее маленькую ладошку вылетело облачно пепла. Что происходит? Горизонт кренился, словно пьяница, силящийся устоять на неверных ногах. Серое и черное, словно горячая смола, стекало дальше и дальше, и Сацу вдруг поняла, что уже не стоит, а лежит на камнях, и мир перед глазами кружится с невероятной скоростью. Девочка встряхивала и встряхивала головой, пытаясь избавиться от дурного сна, но пробуждение не наступало, а один кошмар сменялся следующим.

Сацу лежала на полу землянки, а вокруг происходило что-то очень плохое. Отца не было. Мать, испуганная и растрепанная, прижимала к себе братишек. По лицу ее текли слезы. Вот она, на миг выпустив из рук детей, сделала два больших шага к своему ложу, схватила несколько шкур и спешно накрыла ими спящую дочь. Сацу хотела сказать, что не спит, что ни к чему накрывать ее с головой, но рот не слушался, а тело, казалось, было опутано невидимыми нитями.

В землянку ворвался ветер – полог с улицы открылся, у входа показался мужчина. В руке он сжимал топор, взгляд горел недобро, а нижняя часть лица скрывалась в сложном узоре татуировки. Сацу видела его через крошечную щелочку между шкурами. Она чувствовала исходящую от него ярость и страх братьев и матери. Хотела закричать, но рот не мог произнести ни звука. Как будто невидимые руки сжимали ее, не давая пошевелиться, и чей-то едва-уловимый голос шептал настойчиво: «Тише... тише».

Харуко закрыла собой детей. Воин, неприятно осклабившись, приблизился к ним. Мышцы руки, сжимавшей короткий топор, бугрились. Малыши жались к ногам матери. В землянке как будто выжгли весь воздух – Сацу вмиг стало нечем дышать и она окончательно провалилась в небытие.

Боги были милостивы к девочке. А может, не богов следует благодарить за то, что она пролежала тихо, не издав ни звука, все время, пока кокурю – воин с черным сердцем, расправлялся с ее семьей.

Она не знала, как долго пробыла без сознания, но, очнувшись, почувствовала, что невидимых пут больше нет. Шум снаружи прекратился, и только где-то совсем рядом раздавался неприятный чавкающий звук, словно кто-то шумно хлебал жидкость. Девочка осторожно высунула голову из-под вороха шкур.

У дальней стены лежала мать. Голова Харуко была раскрыта надвое. Темная лужа крови окружала ее и изувеченные тела братьев. А над ними, склоняясь омерзительной тушей прямо к лицу матери, возвышалось нечто, напоминавшее одновременно жабу и очень некрасивую женщину. Грязная рубаша ржавого цвета обтягивала толстое туловище, под которым скрывались то ли ноги, то ли лапы. Передние конечности, похожие на человеческие, тварь протягивала к телу, туда же тянулась уродливая голова с безобразными, плоскими, но вполне людскими чертами и длинными спутанными волосами. Из приоткрытых губ сочились слюна, как будто чудовище готовилось начать пир.

Сацу вдруг отчетливо поняла, что если *это* коснется матери, то ее духу никогда не попасть в Тростниковую Равнину. Превозмогая тошноту, она скинула шкуры и поднялась с ложа.

– Прочь! – выкрикнула Сацу злым детским голосом.

Жаба помедлила, потом нехотя повернула шею и уставилась на девочку выпученными водянистыми глазами.

– Уходи прочь, – повторила Сацу, сделав несколько шагов вперед.

Страх не было. В тот момент ей владело лишь одно чувство – уберечь, спасти от чудовища души, которыми оно собиралось полакомиться.

– Прочь-чь? – квакнула тварь, как будто пробуя на языке новое слово.

Тонкие губы растянулись в ухмылке, обнажив два ряда гнилых черных зубов.

Сацу сделала еще шаг вперед. Ей вдруг снова почудилось, что рядом с ней находится кто-то еще – могучий, готовый сражаться на ее стороне. Женщина-жаба как будто тоже это почувствовала. Водянистые глаза закрылись и открылись, потом закрылись и открылись еще раз, и, издав недовольное кваканье, она запрыгала к выходу, сотрясая тяжелым телом земляной пол.

Сацу опустилась рядом с матерью и горько заплакала. Её рука – перемазанная кровью, окоченевшая, бледная на фоне темной лужи, уже почти впитавшейся в землю... Страх, сильнейшее горе и обида наконец-то настигли ее. Сацу плакала, обнимая тело матери, сжавшись около нее в крохотный комочек. Неведомый *кто-то* снова покинул ее, и теперь совсем никого не осталось рядом.

Откуда-то Сацу знала, что отец тоже погиб. Единственной мыслью, не дававшей ей забиться в угол землянки и спрятаться там, была необходимость отыскать и его тело. Нельзя было допустить, чтобы чудовища добрались до него.

Очень долго девочка уговаривала себя отпустить руку, что расчесывала ей волосы и обнимала, когда ночами снились кошмары. Руку, что готовила вкусную мясную похлебку, что могла дать шлепка, когда дети сильно озорничали, но всегда дарила радость своими любящими прикосновениями. На братьев Сацу старалась не смотреть, чтобы снова не потерять сознание.

Все, что могло случиться с ней: беззаботная юность, первая любовь, замужество и рождение детей в счастливом браке – все было украдено, вычеркнуто из жизни рукой татуированного воина. Сацу почувствовала, что ненавидит его.

Наконец, девочка решилась. Отпустив мать, она медленно заковыляла к выходу.

3

Мир снаружи был печален и мрачен. Светало. Первые лучи солнца падали на тела жителей, лежащие между землянками в неестественных позах. Исполненные муки взгляды, застывшие в крике рты, вывернутые конечности. Смерть бродила по улицам, ухмыляясь гнилыми зубами черного рта. Смерть была грузной и отвратительной жабой, но Сацу больше не боялась ее. Она боялась людей, которые в этот момент были заняты тем, что опустошали деревенское хранилище.

Тело отца она увидела почти сразу. Он лежал недалеко от входа в жилище, откинув в сторону правую руку. Голова его была почти отделена от тела могучим ударом боевого топора. «Пытался помешать им проникнуть в дом, – с горечью поняла Сацу. – Безоружный». Она гнала из головы эти взрослые, чужие мысли.

Безобразной жабы видно не было. Сацу чувствовала, что тварь не тронула отца, но нужно было торопиться. Девочка подошла ближе, присела около отца на колени и положила обе руки на израненное тело. Пальцы тут же окрасились кровью, но девочку это не испугало. Она закрыла глаза и стала прислушиваться к тому, что нашептывал ей едва-различимый тихий голос. Он говорил ей о том, что теперь нужно совершить.

Если бы кто-то видел Сацу сейчас, то наверняка решил бы, что девочка помешалась от горя. Она раскачивалась из стороны в сторону, снова и снова, всё сильнее и сильнее. Красные от крови пальцы вжимались в отцовскую грудь с нарастающей силой, с бледных губ срывалось бормотание.

Через какое-то время она остановилась, резким движением вскинула ладони и с удивлением посмотрела на них. Теперь Сацу снова не чувствовала никого рядом с собой, но это было уже неважно – она знала, что должна делать. Склонившись над отцом и поцеловав его в лоб на прощание, она встала и подошла к следующему телу. Это был Кацууро, кузнец. Сацу помнила, как он не раз приносил отца домой после совместных попок. Втаскивал его на своих могучих

плечах в жилище и виновато смотрел на мать, недовольную тем, что они опять перебрали... У кузнеца была жена и четверо детей, которые, должно быть, лежали убитые в землянке, которую тот пытался защитить. Сацу медленно приблизилась, опустилась на колени и положила обе руки на широкую грудь кузнеца. Раз мико нет рядом, её долг защитить тела соплеменников от мерзкой женщины-жабы.

Так она переходила от одного тела к другому: от красавицы Мизу, которая весной должна была выйти замуж, к старосте Акури и его детям. От горшечника Удзи, отца Таро, к его матери, Итико. Сацу знала в поселении всех, и, накладывая руки на грудь, молила *ками* о том, чтобы их души не достались нечисти. Солнце давно взошло, но девочка не чувствовала ни усталости, ни страха, пока выполняла то, о чем нашептывал ей тихий голос внутри.

Кокурю заметил ребенка издали. Похоже, девочка была не в себе. Она, раскачиваясь, сидела у тела – перемазанная кровью, с закрытыми глазами, не замечая ничего вокруг. Сначала воин хотел убить и ее тоже – девчонкой больше, девчонкой меньше – но потом передумал: через несколько лет она может превратиться в красивую наложницу. Воин приблизился, схватил девчонку за длинные волосы и, не обращая внимания на крики, потащил туда, где, напуганные и униженные, жались друг к другу еще несколько детей. Будущие рабы. Люди, лишённые будущего.

ГЛАВА III

1²

Дорогу Сацу почти не помнила. Вспоминая потом, как, маленькая, преодолела этот долгий путь среди гор холодной осенней порой, она никогда не могла вспомнить подробностей. Шли дожди, ночами им редко удавалось погреться у костра. Все время болели ноги. Вот, пожалуй, и все, что она могла рассказать о тех печальных днях. И еще – безысходность. Сацу больше не верила, что жизнь может быть другой. Боль от потери семьи, постоянная усталость, страх... Она шла, потому что этого требовали надсмотрщики кокурю. Ела отвратительную пищу, которую давали им, потому что испытывала голод. Но даже мысли о побеге не приходило в ее голову: местность вокруг была незнакомая, и яснее ясного было, что лес и горы полны опасности и выжить здесь в одиночку шансов нет.

Часть кокурю с награбленной добычей вернулась в свое поселение, кочующее год от года по разным местам, чтобы враги не могли выследить племя. А другая часть, меньшая, продолжила путь по одним им ведомым тропам, чтобы, добравшись до богатого поселения Оэ, обменять там захваченных рабов на оружие, выделанные шкуры и рисовое вино.

Сацу не смогла бы вспомнить, сколько дней они провели в пути, подгоняемые палками кокурю, едва осмеливались замедлить шаг. И вот однажды хмурым утром, сделав после ночлега последний переход, их отряд оказался перед воротами Оэ.

Эти ворота были самым огромным, что Сацу видела в жизни. Крепкие, сбитые из бревен толщиной с голову ребенка, высотой в несколько человек, если бы кто-то стал так мерить их высоту. Город окружал частокол. Не чета тому, что стоял в родном поселении – стройный, высокий, с острыми заточенными верхушками. На сторожевой башне несли дозор лучники. Не охотники и гончары, по очереди заступившие в караул, а стройные высокие воины, с детства знакомые с тетивой и стрелами.

Оставив отряд дожидаться чуть поодаль, один из воинов приблизился к воротам и начал громко кричать о том, что они желают обменять рабов. После недолгих переговоров огромные ворота отворились, и отряд смог попасть внутрь.

– Эй, подруга, погляди-ка на этих страшилищ.

– Да уж, красавчики, – сплюнула некрасивая женщина, глядя вслед удаляющимся кокурю. – Как будто выбрались из пещер подземной страны Ёми!

Местные с любопытством глазели на татуированных чужаков и сбившихся в кучку детей, семенящих по главной улице.

– А дети-то до чего чумазные! Смотреть страшно!

– Смотри-ка лучше за своими детьми! У этих бедняжек, наверное, и родителей нет в живых. Черти эти их на Место Мены тащат, не видишь что ли? А у твоих детей и мать, и отец живы, а все одно – бегают грязные, как чертенята.

– Старая ты ведьма! Мои дети хоть и чумазы, зато сыты и ночуют в тепле!

– Твоя правда, подруга. А этих бедняжек жалко...

2

Сацу сидела на земле, обхватив руками колени. С неба срывались холодные капли дождя, ветер проникал под одежду. Девочке было холодно, но она все равно продолжала сидеть в одиночестве, не спеша перебираться под большое камфорное дерево, под которым сгрудились остальные дети. Руки у нее были связаны, худые ноги покрывали ссадины и глубокие царапины,

² Силла, Пэкче и Когуре – государства, существовавшие в то время на территории Корейского полуострова.

давно не мытое тело источало неприятный запах. Время от времени она тянула руки к лицу, чтобы вытереть слезы, но потом снова упрямо возвращалась в прежнюю позу.

Вокруг, несмотря на слякотную погоду, шел бойкий обмен. Меняли шкуры на ткань, оружие на оленину, кухонную утварь на вино. Место Мены – площадь перед домом правителя, кишела людьми как мелководье в жару головастиками.

Дом вождя был добротным – высоким, в три этажа, с плотной соломенной крышей, увенчанной птичьей фигурой из дерева.

– Сацу!

Чья-то рука легла на плечо девочки. Сацу вздрогнула, обернулась и увидела, что к ней подобрался Хиро, второй сын старосты. Выглядел мальчик не лучше, чем она сама: одежда в грязи, волосы спутаны, лоб и плечи в многочисленных ссадинах. Во время дороги кокурю охаживали девочек по ногам, чтобы не испортить лицо, а вот Хиро доставалось везде, куда могла дотянуться палка надсмотрщика.

– Хватит плакать, – мальчик строго посмотрел на нее. – Прекращай сейчас же. Иначе никто тебя отсюда не заберет.

– Ну и что? – вяло произнесла девочка. – Хуже быть все равно не может.

Хиро нахмурился.

– Еще как может. В рабстве у кокурю. Прекрати плакать, говорю тебе! Сейчас же вытри слезы и давай к нам.

Он показал на сидящих под деревом детей.

Сацу шмыгнула носом, размазала по лицу вновь выступившие слезы.

– Слушай, – доверительно зашептал мальчик, – прошлое не вернется. Они не оживут – ни мои, ни твои. Но мы-то живы! Как думаешь, хотела бы твоя мать, чтобы и ты погибла? Ты выжила, Сацу. Понимаешь?

Сацу едва-заметно кивнула.

– Мы должны жить дальше, – отчетливым шепотом произнес он.

– Зачем? – всхлипнула девочка. – И как?

– Как сможем.

Хиро улыбнулся ей краешком рта.

– Знаешь что? Мы выживем. И мы всегда будем друг у друга, даже если нас будут разделять многие ри³.

– Правда?

Улыбка мальчика стала шире.

– Конечно правда.

С этими словами Хиро подтолкнул Сацу к остальным и она, поднявшись, послушно поплелась вслед за ним – туда, где под старым камфорным деревом, нахохлившись, словно птенцы, жались друг к другу остальные дети.

3

– Ты говоришь по-ханьски?

Вид человека говорил о том, что он привык быстро получать ответы на свои вопросы. Он был невысок, черные волосы с проседью собраны в узел, лицо обрамляла аккуратная борода и усы. А главное – взгляд: таким не смотрят рыбаки и крестьяне. Манера речи выдавала в нем чужестранца, несмотря на то, что одет он был так же, как и остальные люди на Месте Мены в тот час.

– Язык ханьцев мне неизвестен, – ответил кокурю, оглядев человека.

³ Ри – старинная японская мера длины, равняется 3,927 км.

– Тогда изъясняйся проще, – отчетливо произнес чужестранец. – Скажи мне – кто эти дети?

– Рабы.

Человек внимательно обвел взглядом притихших детей. Скользнул взглядом по чумазым лицам девочек и задержался внимательными глазами на Хиро.

– Меня зовут Вэй, – назвал ханец свое имя, улыбнувшись одними губами. – Мой раб умер в дороге, и теперь мне нужен новый. Некому править повозкой, таскать поклажу и учить меня языку.

Кокурю хохотнул.

– Никто из них не научит тебя языку Ва лучше, чем ты уже говоришь, Вэй из Поднебесной.

Он грязным ногтем почесал подбородок и сплюнул себе под ноги.

– Править повозкой – дело нехитрое. Вот что я тебе скажу: эти сопляки трусливы. Никто из них не взялся за оружие, когда мы напали на их племя. Все они – малодушные трусы! Прикажи нести поклажу – будут тащить, пока не упадут без сил. Прикажешь мыть тебе ноги – вымоют, не сомневайся. Выбирай любого.

– Покажи-ка того мальчика, – ханец указал узкой ладонью на Хиро. – Он выглядит выносливым.

Кокурю подтащил мальчика ближе, бесцеремонно схватив за волосы, и задрал его голову так, чтобы ханец мог рассмотреть его лицо. Хиро скривился от боли, но не проронил ни звука.

– Ну, как он тебе, Вэй из Поднебесной?

Вэй бесстрастно разглядывал ребенка.

– Ты умеешь править повозкой? – произнес он, впившись в его лицо внимательным взглядом.

– Я быстро учусь, – стиснув зубы, процедил тот.

– Отлично, – произнес Вэй, обращаясь к кокурю. – Он мне подходит, поговорим о цене.

4

Ками избирают себе дев с открытым сердцем. Не каждая удостоится этой чести, а избранным не дано отступить от своего пути – жизнь мико подчинена тому, чтобы передавать слова *ками* людям Ва. Никто и ничто на свете не в силах этому помешать. Эта истина известна всем, а потому слово мико – приказ, ибо речен он не ею, а божеством, что говорит ее устами.

Шаманкой Оэ была Мизуки. Правая рука правителя, которая силой своего духа приносила ему удачу и наделяла способностью властвовать справедливо. *Ками* любили Оэ – ведь правитель Ёсиро чтит мико и с уважением внимал их словам, обращенным к нему через шаманку. Говорили, в юности Мизуки была дивной красавицей. Если бы *ками* не прибрали ее к себе, она могла бы выбрать в мужа любого мужчину! Но мужчине, какой бы силой, красотой и властью ни был наделен, никогда не сравниться с божеством. И никогда не забрать у божества выбранную им деву. Мизуки оставалась в Оэ и с ней оставалось благоволение *ками* – залог благополучия города и силы его правителя.

– Воин! Моя госпожа хочет посмотреть на детей!

– Так скажи своей госпоже подойти ближе.

– Госпожа велит тебе закрыть глаза, когда она приблизится.

– В своем ли ты уме, рабыня?

– Я не рабыня, – девушка гордо вскинула подбородок. – Моя госпожа – мико Мизуки. Тебе известно, кто это?

Кокурю досадливо поморщился.

– Я отведу взгляд, когда мико приблизится, если ей неприятно смотреть на меня.

– Мико тревожится не о себе, воин. Взгляд ее глаз жжет убийц. Но ты не из наших земель и не ей судить тебя.

– Передай своей госпоже, что я отведу взгляд, – повторил кокурю и больше не произнес ни слова.

Девушка кивнула и быстро засемила на другую сторону площади. Вернулась она вместе с женщиной, облаченной в длинные белые одежды. Черные волосы пришедшей не были собраны в прическу, а свободно ниспадали до пояса. Лицо, покрытое белилами, хранило строгое и властное выражение. Это и была мико Мизуки – шаманка Оэ. Не спрашивая позволения, она прошествовала к камфорному дереву, под которым жались друг к дружке дети, и вглядываясь в лица, стала рассматривать их. Вот она остановилась подле Сацу, длинными пальцами взяла девочку за подбородок и, помедлив мгновение, торжественно произнесла:

– Здравствуй, сестра!

Когда Сацу ничего не ответила, женщина продолжила:

– *Ками* поведали мне о том, что я найду тебя здесь. Отныне беды твои закончились. Отныне и навсегда ты под их надежной защитой.

– Мне нужно это дитя! – обратилась она к кокурю повелительным тоном.

Тот был рядом. Стоял, уставившись на подол длинных белых одеяний шаманки. Он боролся с собой: бесстрашный воин, он хотел поднять взгляд... и не мог, страшась встретиться взглядом с глазами мико.

Сацу дотронулась связанными руками до рукава белых одеяний женщины.

– Госпожа! – робко пролепетала она.

Шаманка повернулась к ней.

– Для тебя я не госпожа. Ты мне сестра, и нет нужды бояться.

– Ты правда хочешь забрать меня? – собравшись с духом, произнесла девочка.

– Да, потому что такова воля богов, – ответила шаманка. – Маленькая мико сидит в грязи со связанными руками – где это видано?

Она нетерпеливо притопнула ногой.

– Эй, воин, немедленно развяжи ее руки!

Сацу посмотрела на нее умоляющим взглядом.

– Тогда возьми и остальных.

– Мне не нужны остальные. – Мико усмехнулась, обнажив белые зубы. – Мне нужна только ты.

– Прошу тебя... сестра, – взмолилась девочка, не отпуская ее рукав. – Ты должна взять всех нас.

– Что же я буду делать с ними?

Мико, похоже, была в замешательстве. Она переводила взгляд с девочки на сбившихся в кучку перепуганных детей.

– Главное – увести их отсюда.

Мико внимательно посмотрела в ее худое перепачканное грязью лицо.

– Они убьют всех, кого не продадут, – прошептала девочка. – Ты должна их спасти! На это тоже воля богов.

Шаманка изогнула бровь, опять усмехаясь.

– Будь по-твоему, сестра. Несколько выкупленных детей – небольшая плата за то, чтобы оставить тебя здесь. Воин! – обратилась она к кокурю. – Я забираю всех детей.

5

– Так она и сказала! – усмехнулась мико.

В глазах ее плескалось веселье. Бледное, похожее на маску лицо плохо сочеталось с этим задорным взглядом.

– Ты должна их спасти. На это тоже воля богов, – произнесла она, подражая голосу девочки.

Ёсиро в задумчивости смотрел на шаманку. Такой ее видел, пожалуй, лишь он один. Для всех остальных у Мизуки, надменной и величественной, были совсем другие глаза.

– То есть, сегодня Оэ купил себе шесть голодных ртов?

– На то была воля богов, – ехидно заметила шаманка, послав правителю многозначительный взгляд.

– Ты довольна, Мизуки?

– О да, повелитель. Я очень, очень довольна, – Мизуки мечтательно улыбнулась. – Боги открыли мне, что ее сила превосходит мою собственную во много раз!

– В таком случае, Оэ приобрел сокровище, – удовлетворенно заметил правитель. – Шесть голодных ртов – небольшая плата за это.

– Ты, конечно, прав.

Мизуки приблизилась к нему вплотную. Глаза ее больше не смеялись, но горели страстным огнем, зажженным то ли близостью повелителя, то ли откровением, посланным ей богами.

– Если правильно обучить ее, Оэ обретет могучую защитницу. Ни завистливые соседи, ни дикие племена, ни даже сам ханьский император не смогут больше угрожать нам, если она будет здесь. Боги послали мне видение этой ночью.

– Что же конкретно ты видела?

Глаза шаманки сузились и она зашептала:

– Воины склоняются перед воротами Оэ. Их так много, что не сосчитать – чернозубые эмису, светлокожие фуми, рыбаки ну, покрытые татуировкой кокурю и многие, многие другие... Сложив луки, копья и топоры, они стоят на коленях и головами касаются земли. И все истово молятся той, чей взгляд обращен к ним с ворот города.

– Кто же это? – жадно спросил повелитель. – Это ты? Она?

– Это Богиня Солнца, – ответила шаманка. – *Аматерасу-оомиками*, осеняющая Оэ своей благодатью.

– Поразительно, – прошептал Ёсиро.

– Да, повелитель, – согласилась шаманка, закрывая глаза, будто испытывала величайшее удовольствие. – Вскорости я покажу тебе это дитя. А сейчас мне пора к ней.

С этими словами шаманка покинула зал, двигаясь так плавно, словно плыла над его поверхностью, а правитель остался наедине с собственными мыслями. Охранники у дверей без слов развели скрещенные копья, когда она, не дожидаясь позволения, прошествовала к выходу. Ёсиро проводил ее взглядом. Много лет эта женщина стояла рядом с его тронem. В ней, как в колоде, не истощалась сила и мудрость, через нее он получал благословение богов. Ёсиро был немолод, немолода была и она. Четверо сыновей от трех жен родились у правителя, двое из них уже успели стать мужчинами. И все же взгляд ее огненных глаз, плавная походка и колдовской голос – то страшный, подобно грозе, то тонкий и звенящий, словно капель, когда боги говорили через нее... весь ее облик был отпечатан в сердце Ёсиро так ясно, что затмевал и детей, и жен. Тело Мизуки было отдано *ками*, сердце ее принадлежало Оэ. Он тоже принадлежал Оэ, и потому надеялся, что через это прочно связан с шаманкой.

Что за девочку привела она сегодня в свой дом? Неужели *ками* дали ей больше, чем самой Мизуки? Возможно ли это? Ёсиро хотелось видеть дитя немедля, и прикажи он, девочку тут же привели бы к нему, но торопиться и выказывать излишний интерес – негоже для правителя. Поэтому он решил ждать. Мизуки сама решит, когда наступит лучший момент для встречи. А пока другие дела требовали внимания правителя.

ГЛАВА IV

1

– Эй, Волчонок?

Новая одежда была чудо как хороша. Куда подевалась прежняя, Сацу не знала. Да ей и не было дела. Вместо изорванного рубища – хлопковая рубаха, затянутая поясом, а под ней длинная юбка – точь-в-точь, как здесь носят женщины. Тело чистое, волосы расчесаны частым гребнем. А у входа стоят ее маленькие соломенные сандалии.

Мико Мизуки привела ее к себе в дом. Похоже, хотела оставить насовсем. Сацу это мало трогало – вокруг было тепло и уютно, но отчаяние, крепкой хваткой сжимавшее маленькое сердце, никуда не делось. Было тут как тут, цепкими пальцами сжимало губы, не давая раскрывать рот.

– Волчонок? Я же знаю, ты умеешь говорить.

Мизуки сидела на коленях напротив нее, внимательно вглядываясь в маленькое лицо.

Мико жила в такаюка на краю города. Такаюка – это как рисовое хранилище в родной деревне, поднятое над землей, чтобы зерно не мокло. Избушка на столбах – удобнее землянки. А зимой и теплее, наверное. В углу очаг с тремя круглыми камнями внутри. Ложе – не просто ворох из шкур, а соломенный тюфяк, сверху покрытый материей. У дальней стены стоят полки с глиняной посудой: тут и миски, и пузатый кувшин, и сосуд с крышкой для хранения риса. Чего только нет!

– Я тебя не обижу, – мягко произнесла шаманка. – Будешь пока Волчонком, согласна? Забудь обо всем, что было с тобой до сегодняшнего дня. Все это ушло, и больше никогда не вернется.

Сацу, всхлипнув, отчаянно замотала головой.

– Нет? – изумилась Мизуки. – Не хочешь забывать?

– Нет, – прошептала Сацу.

Больше она в тот день не произнесла ни слова. Шаманка не настаивала. Занималась своими делами (а было их невпроворот), а девочке предоставила отдыхать.

Вскоре появилась Акеми, служанка мико, а с ней подручный с соломенным тюфяком на плечах. Путаясь в неуклюжих извинениях, здоровяк сгрузил тюфяк в угол, и Акеми принялась расправлять его. Потом принесли длинную рубаху, скроенную из оленьих шкур – подарок девочке от правителя Ёсиро. Мико удовлетворенно кивнула:

– Правитель рад тебе, – с улыбкой сообщила она Сацу.

И, помолчав, строго добавила:

– Правителя следует бояться и уважать. Всем, кроме нас с тобой. Нам достаточно уважения.

Сацу проснулась, но не спешила открывать глаза. Впервые за долгое время ее ложе было мягким и теплым. Теперь она лежала, смежив ресницы, прислушиваясь к монотонному бормотанию Мизуки – шаманка творила молитву или заклинание, голос ее доносился из дальнего угла помещения.

Набравшись смелости, девочка чуть разлепила веки. Ей не хотелось быть обнаруженной сразу же, но шаманке, похоже, не было до нее дела – сидя на коленях перед очагом, с закрытыми глазами, она была погружена в свое занятие. Над очагом курился дымок, по такаюка плыл терпкий аромат – не иначе мико сжигала *особенные* травы.

Сацу тихонько наблюдала за ней. Грива волос, едва тронутых сединой, прямая спина, изящные маленькие ступни. В ее фигуре ощущалась мощь, как будто таинственная сила распирала Мизуки изнутри. «Может, она – *ками*?» – в изумлении подумала девочка. Разве могут

смертные быть такими величественными и красивыми? Разве возможно, чтобы волосы обычной женщины жили собственной жизнью? Копна волос Мизуки, словно гладкий блестящий водопад, струилась по лопаткам и перетекала ниже. Стоило ей немного двинуться, и черное величие переливалось, словно речные волны в лунном сиянии. Несколько тонких серебристых прядей совсем не старили шаманку, а наоборот придавали какую-то неземную загадочность.

Стоило шаманке закончить молитву, как наваждение сгинуло. Огонь в очаге погас, дым развеялся и она снова превратилась в женщину из плоти и крови. Мизуки повернулась к девочке. И как угадала, что та уже не спала?

– Это Хинукан, божество очага, – произнесла она с мягкой улыбкой. – Мы должны почитать его, Волчонок, ведь Хинукан оберегает тех, кто живет в его доме. Подойди.

Сацу поднялась и боязливо приблизилась. Опустилась на колени рядом.

– Очень хорошо, – улыбнулась мико, – а теперь смотри и слушай очень внимательно.

Она подбросила в очаг щепотку сухих трав и торжественно произнесла:

– Божество, что оберегает дом от разрушения, затопления, огня и гнили! Защитник жилища от злых духов и нечисти! Услышь и прими почести от меня, Хинукан, *ками* очага!

Где-то внутри, должно быть, ещё тлел огонь – травы, что подбросила шаманка, вспыхнули, и по жилищу поплыла новая волна терпкого аромата.

– Он живет здесь, – мико указала на три расставленных в ряд камня.

– А теперь, – добавила она, – умой лицо и расчеши волосы – нам с тобой предстоит долгий день.

Расчеши волосы? Сацу вспомнились теплые, ласковые мамины руки, которые каждое утро расчесывали ее деревянным гребнем. Затем перед глазами возникла бледная ледяная рука, твердая, будто высеченная из камня... Кровь, уходящая в земляной пол. Изувеченное тело, а за ним, там, куда страшно поглядеть даже краешком глаза... братья.

Крик вырвался из горла девочки. Глаза безумно заматались, Сацу обхватила себя руками и скорчилась на полу в сильнейших судорогах. Боль заполнила тело. Боль тащила вниз, в подземную страну Ёми, где поджидали чудовища и мертвецы. Девочка закричала, ее тело выгнулось, будто стрела грозового *ками* прошла через него, и через мгновение Сацу потеряла сознание.

Теплые руки гладили ее по голове. Не мамины, нет – то были руки шаманки. Сацу лежала на деревянном полу, под головой – мешочек с ароматной солью. В углу тихонько тлел очаг, а Мизуки, обняв ее одной рукой, другой тихонько поглаживала по волосам.

– Очнулась? – с грустной улыбкой тихо произнесла шаманка. – Что же такое с тобой произошло, а? Всего лишь маленькая девочка, а перенесла уже столько испытаний...

– Все это в прошлом, – ласково прошептала она. – Я помогу тебе. Твоя боль оставит тебя, вот увидишь. А сейчас поднимайся – мне не донести тебя до ложа. Вот так. Теперь ложись и спи. Долго, и без сновидений.

2

– Кокурю?

Брови правителя от удивления поползли вверх.

Сегодня на подушках в просторном зале сидели четверо, не считая охраны у входа и внимательной служанки, ожидавшей приказа поодаль. Рядом с Ёсиро, слегка касаясь рукавом богатого одеяния руки правителя, сидела его старшая жена, госпожа Мамори, чье имя значило на языке Ва «талисман». С другой стороны, прямой как копье, сидел худощавый юноша – второй сын правителя, Такэру. Об этой встрече просила мико, и именно она настояла, чтобы сын

и супруга Ёсиро присутствовали на ней. О причинах этой просьбы правитель не задумывался. До сего момента.

– Кокурю? – повторил он озадаченно. – Зачем тебе понадобился дикий воин, Мизуки?

Мико медленно склонила голову и с улыбкой произнесла:

– Как известно повелителю, а также уважаемой госпоже Мамори и господину Такэру, моя ученица, будущая шаманка Оэ, была приведена в поселение дикими воинами.

Такэру бросил на шаманку удивленный взгляд, а госпожа Мамори приятно улыбнулась, так что оставалось гадать, было ли ей уже известно о том, что только что произнесла мико.

Старшая из жен Ёсиро, родившая ему двух сыновей и единственную дочь, уже давно была в возрасте, когда мужчина видит в женщине скорее мать, чем сестру. Лучи морщинок от пронизательных глаз, узкий рот с высохшими губами, который когда-то сводил правителя с ума – все в ней теперь говорило не о былой красоте, а о прожитых годах и накопленной мудрости.

– Девочку гложет злой дух, – продолжала между тем шаманка. – Она не говорит.

– Может быть, она немая от рождения?

– О нет, госпожа. Я слышала ее речь в первый день нашей встречи. Она просила за других детей из поселения.

– Так в чем же дело?

– Хотела бы я знать! – развела руками шаманка. – Я молила *ками* открыть причину, но узнала лишь о том, что нечто ужасное произошло в месте, где девочка провела первые годы жизни.

– Со всеми рабами произошли ужасные вещи, – заметила Мамори, обнажив черные зубы – знак ее замужнего статуса.

– Вы правы. Но эта девочка – не то что другие дети. Ей предстоит стать мико.

– Беда в том, что я не знаю, откуда привели тех детей, – продолжила шаманка, убедившись, что Мамори оставила ее слова без ответа.

У госпожи были на то свои причины, но ни она, ни шаманка не собирались сейчас говорить о давней взаимной неприязни.

– Как вам известно, кокурю – горное племя. Они не сеют и не собирают урожай. Их божества – *ками* насилия и расправы. Они живут тем, что разоряют небольшие общины. Множество мелких поселений без конца страдают от их подлых набегов.

– Это так, мико, – кивнул Такэру. – Но зачем тебе все же понадобился один из них?

Мизуки с улыбкой ответила юноше:

– Я не могу помочь этой девочке, находясь в Оэ. Для того чтобы изгнать гложущего ее духа, я и она должны отправиться в место, где она выросла.

– Исключено, – твердо сказал правитель. – Ты не можешь покидать город.

– Повелитель, – мягко возразила шаманка, – урожай убран, все обряды свершены. Боги довольны, и до конца зимы, до момента священной посадки риса, нет дела, с которым не справилась бы твоя дочь Акеми. Я не зря обучала ее столько времени!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.